

Мари Квин

ОТЮДА ГНЕВ

Inde ira

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
К32

Квин М.

К32 Отсюда гнев / М. Квин — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2025. — 172 с. — (Святые и грешники)

Вендетта — обычай, по которому убийца близкого наказывается смертью. Выйдя из тюрьмы, Дарио полон решимости отомстить обидчику. Жажда мести приводит его к священнику, обладающему важной информацией и сыгравшему свою роль в трагедии. Но тот не разделяет стремления к возмездию и пытается убедить, что существует иной путь, если осушить истоки гнева. Честная работа и отношения с красивой прихожанкой могут стать для Дарио шагом вперед. Но может ли его душа найти покой и смысл жить иначе в мире, что кажется безнадежно прогнившим?

BIC FP
BISAC FIC005000

© М. Квин, текст, 2025
© А. Грищенко,
художественное оформление, 2025
© В. Вальдерзеф,
художественное оформление, 2025
© RUGRAM, 2025
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

ISBN 978-5-517-13039-6

1.

Дарио Томазза мечтал об этом дне последние два года. Он выходил из ворот тюрьмы Поджореале и с тоской смотрел на поцарапанную бензиновую зажигалку с изображением балерины, которую ему вернули с немногочисленными личными вещами. Лицо на изображении уже протерлось, больше походило на смазанное пятно, но пачка сразу завладевала вниманием. И пусть он оказался на свободе, тяжелые мысли так и не позволяли почувствовать ее.

— Дарио!

Он услышал приветливый оклик и невольно улыбнулся, увидев, что к нему направляется тучный мужчина, радостно размахивающий руками.

— Дядя Исая, — протянул Дарио, направившись к нему.

Исая улыбнулся еще шире и смачно поцеловал Дарио в обе щеки. Кожу кольнули пышные усы, а обоняние уловило уже, наверное, пропитавший дядю аромат базилика, без которого он не делал ничего. Особенно лазанью болоньезе, знаменитую на весь Секондильяно.

Этот запах приправы, суетливый Исаяя, ведущий его к старому «Фиату», торопливая болтовня. Дарио сел на переднее сиденье и ртом вдохнул весенний воздух. Май в Неаполе радовал погодой. И от осознания, что он вышел из тюрьмы в такой погожий день, настроение улучшилось.

— Ты не терял там времени, племянник, — ткнув его в плечо, заметил Исаяя.

Дарио бегло глянул на рукава уже слишком обтягивающей его футболки и кивнул, мол, да, успел подкачаться за эти два года.

— Сам знаешь, там особо нечем себя занять: качаешься, читаешь или ищешь неприятности. Я выбрал первое, — ответил он и обернулся, почему-то желая видеть, как отъезжал от тюрьмы.

— Правильно, — одобрительно произнес Исаяя, качнув головой.

— Да и после работы на кухне — самое оно, — усмехнулся Дарио.

— Что теперь там будут есть без тебя? Уверен, что повара лучше у них не было, — с тоской протянул Исаяя. От такой трагичности в его интонации Дарио захотелось рассмеяться, особенно после воспоминаний о том, как его провожали на тюремной кухне.

— Переживут, — отогнав все мысли, ответил он. — Есть закурить? — спросил Дарио, как только здание тюрьмы окончательно скрылось из виду.

— В бардачке, — спокойно ответил Исаяя.

Дарио нашел «Мальборо». Он снова достал зажигалку и, уже не рассматривая картинку на ней, поджег одну из сигарет. Остаток пути он слушал дядю. Тот без умолка говорил о ресторанчике, соседях, разборках кланов.

Дарио просто слушал, особо никак не комментируя. Секондилляно — неблагополучный район. Там все тот же высокий уровень безработицы, а прогулы и отсеив из шко-

лы — норма. Среди бела дня на улице постоянно ошивались слоняющиеся без дела дети. Но главное — распространение наркотиков и деятельность Каморры продолжали процветать. Именно из-за работы на клан Каstellло он и попал в тюрьму за распространение в двадцать четыре. Дарио все никак не мог уложить этот факт в голове. Он имел дела с дурью лет с одиннадцати. Секондильяно был ему известен так хорошо, что бежать по нему можно было с закрытыми глазами. Но он все равно попался. Возможно, как раз из-за излишней самоуверенности и горячности, но об этом думать Дарио не хотел.

Серые и унылые здания, граффити, слоняющийся без цели народ. Дарио сразу узнал Секондильяно, в который перебрался с отцом и дядей из Сkamпии, когда в перестрелке чуть не погибли они трое, и почувствовал трепет внутри от возвращения в родную дыру, в которой ничего не меняется даже через годы.

— С возвращением!

Дарио только переступил порог дядиногo рестораника, когда услышал громкие возгласы. Беглый взгляд по лицам дал понять, что он не знал и половины, но это было и не так важно. Дарио шире улыбнулся и поднял руки, как будто бы держал кубок. Крики радости стали громче. Улица — одна большая семья. Свадьбы, похороны, крестины, годовщины, возвращение из тюрьмы — все справляли вместе, и не столь важно, знали ли вы имена друг друга.

— Смою с себя тюремную вонь и сразу выйду к вам! — оповестил он, пробираясь сквозь толпу.

Вдруг перед ним мелькнула привлекательная девушка в коротком обтягивающем платье. Взгляд зацепился за темные кудрявые волосы, забранные в хвост, пышные формы,

которые туго утягивала ткань одежды. Дарио подмигнул и сально улыбнулся, с жадностью осматривая тело, и, переводя взгляд на ее лицо, увидел заигрывающую улыбку в ответ.

Он зашел в помещение для персонала и направился к коморке, в которой жил до ареста. Только сейчас он задумался, а за ним ли все еще эта комнатка. Дарио открыл дверь, щелкнул выключателем и усмехнулся. Исайя все оставил, ничего не менял.

— Твое тебя ждало, — раздался добродушный голос рядом.

— Спасибо, дядя, — искренне поблагодарил Дарио.

Самый большой страх, которым его успели заразить в тюрьме: мысль, что возвращаться будет некуда. Дарио сам от себя не ожидал, что эта мысль так проберет его, отравит и будет делать дни еще более невыносимыми. Перед ним ежедневно были мужчины, которым было некуда идти. Их никто не ждал на воле, им не приходили письма, их никто не навещал. Чьи-то родственники уже были мертвы, чьи-то сидели в тюрьмах, чьи-то скрывались, а чьи-то отвернулись. Ему постоянно вдалбливали в голову, что скоро и его близким это надоест. Сводная сестренка перестанет писать, дядя — навещать, а места в доме для него не окажется.

Но вот он здесь. Дядя все еще рядом, комната — ждет, только сестренка больше не даст о себе знать. И невольно рука Дарио сама потянулась за зажигалкой. Прощальным подарком перед переездом из Скампии в Секондильяно. Прежде чем пойти в душ, он оставил зажигалку и стопку писем на диване.

Принимать душ в одиночестве — удовольствие, которое Дарио не ценил, прежде чем попасть за решетку. И, стоя сейчас в служебном душе за закрытой дверью, он поднял

голову и просто чувствовал, как вода стекала по телу. Ему хотелось простоять так весь день, но, быстро смыв с тела пот и дорожную пыль, он выключил кран.

Короткие волосы не нуждались в сушке, щетину он решил не сбривать. Повязав полотенце на бедрах, Дарио направился в свою комнату, надеясь найти что-то подходящее из одежды. От старых футболок и толстовок пахло пылью, но он так и продолжал перебирать их.

— Все тебя заждались, — вдруг раздался голос дяди.

Дарио уже натягивал джинсы и краем глаза заметил, что Исаяя прошел в комнату, закрыв за собой дверь.

— Твой отец все еще в Риме. Я сказал ему, что ты выходишь, но...

— Да черт с ним, — ответил Дарио.

Для Орсино Томазза и Секондильяно не стал домом. Он верил, что можно найти лучшую жизнь, если поехать на север страны. На время поиска Орсино оставил сына на брата. Исаяя тогда только женился и вместе с женой открывал ресторан. Дарио был даже рад остаться с дядей и помочь ему. Тот всегда был ближе отца. Да и пускаться на поиски фантомной лучшей жизни ему не хотелось. Кому нужны вырожденки Скампи? Люди без образования, с судимостями и дерьмовым характером? Он уже юнцом это осознавал.

— Письма поклонниц? — усмехнулся Исаяя.

Дарио обрадовался, что дядя решил поговорить о другом, но тема ему не понравилась. Он с тоской посмотрел на пачку перевязанных конвертов и подумал о тех годах, которые они с сестренкой не виделись после его переезда.

— Узнав, что я сел, Мадди постоянно писала. Последний год от нее не хватало писем, — признался Дарио.

Исаяя печально вздохнул. Он плохо знал мать этой девушки, с которой недолго крутил его брат. Все продлилось не больше месяца, но Дарио и Мадди успели подружиться. Ему было пятнадцать, ей — одиннадцать. Их просто выстав-

ляли за порог, когда родители хотели уединиться, а ему еще и наказывали присматривать за ней. Сначала его это раздражало, но он понимал, что отхватит от отца, если с ней что-то случится. Со временем Дарио даже привык к ней: к незатейливым разговорам, восхищениям, когда она внезапно указывала на что-то и громко начинала щебетать. Он сам не понял, как девчушка проникла и в его сердце, но уже не имел ничего против.

— Знаешь, что произошло? — серьезно спросил Дарио.

— Там какая-то мутная история с убитым чиновником и комиссаром, — без энтузиазма ответил Исая.

— Это я слышал, — пробормотал Дарио, потянувшись к письмам.

— Я понимаю твои чувства и желание разобраться, но не стоит в это лезть. Мадди это не вернет, — тверже продолжил Исая.

Дарио невольно усмехнулся, а затем обернулся к дяде. Ответ его не удивил. Разбираться в этом деле, искать справедливости, действительно смысла не было. Подобное требовало лишь отмщения. Но для достижения цели слишком мало информации.

— Знаешь что-нибудь про священника, с которым она общалась? — игнорируя предупреждение, спросил Дарио.

Исая нахмурился и с укором взглянул на него, но Дарио продолжал буравить его взглядом, давая понять, что ему нужен ответ, что никакие слова его не переубедят.

— Нет, — пробурчал Исая. — Не меня о ее жизни спрашивать.

Это в глубине души Дарио и сам понимал. В последний раз дядя видел ее еще ребенком. Сев на кровать, Дарио мягче взглянул на Исая, ощущая дискомфорт от напряжения, возникшего в комнате.

— Не могу я это оставить, — виновато произнес Дарио. — Полицию нагибают главы кланов, а они отыгрываются на сош-

ках вроде нас. Надоело быть даже не вторым сортом, а еще более дерьмовым, — поделился он и заметил, что дядя посмотрел с большим пониманием. — Самоубийство, — с нажимом произнес Дарио. — Я не представляю, что должно было случиться, щелкнуть в ней, чтобы кто-то, кто так любил жизнь, наложил на себя руки. Ее либо сломали, либо ей помогли.

Исайя тяжело вздохнул и сел рядом. Дарио почувствовал, как диван прогнулся под весом дяди, и повернул голову к нему. Он предполагал, что услышит сейчас. По взгляду дяди Дарио понял, что ему больно за него, что он понимает, какой шрам оставляет после себя подобная потеря.

— Этот путь не принесет добра. Не заберет боль. Не вернет ее, — медленно произнес Исайя.

— Зато следующий комиссар подумает дважды, прежде чем к нему в руки попадет новая Мадди, — твердо произнес Дарио.

— Это твоя вендетта, — смиренно произнес Исайя. — Свое мнение я тебе сказал.

— Я тебя услышал, — с уважением заверил Дарио.

Дверь вдруг распахнулась так стремительно, что он удивился, как она не слетела с петель. В комнату вошла тетя Ромола и, воинственно размахивая полотенцем, пошла прямо на своего супруга.

— Сколько можно ждать? — причитала она. — Оставил со своим соусом! Там все выкипает уже. Потом будешь весь день ворчать, что вовремя не выключили. А выключу сама, не заткнешь, что сделала это слишком рано, слишком поздно и не добавила чего-нибудь, — громче продолжала она, ударив Исайю полотенцем.

Дарио невольно засмеялся, но быстро успокоился, когда Ромола предупредительно посмотрела на него.

— Иду я, иду, — закрываясь руками от полотенца, ответил Исайя. — Ураган, а не женщина, — тише добавил он с восхищением.

Дарио все-таки засмеялся. Удар полотенцем не заставил себя ждать, но от этого стало только смешнее.

Праздник был в самом разгаре, и Дарио отпустил тяжелые мысли хотя бы на этот день. Тем более его руки были на бедрах девушки, которую он заметил, только зайдя, а она без стеснения терлась спиной о его грудь и пах.

От нее слишком сильно пахло сладкими духами и никотином, но Дарио сосредоточился на другом. Он прижимал ее тело к себе максимально близко, не стесняясь, что стояк упирался ей в попу или в промежность, когда, извиваясь, она танцевала около него.

Он с жадной лапой ее грудь, сжимая пышные формы у всех на виду, целовал, продвигаясь все ближе к комнатухе, и, открыв заветную дверь, сразу задрал ей платье, развернул к себе спиной и заставил прогнуться. Громко шлепнув по ягодицам, Дарио усмехнулся, когда плоть под его ладонью слегка затряслась, но упругой задницы в стране с такой калорийной кухней ждать не стоило. Он стянул с нее трусы, достал презерватив, который раздобыл у одного из друзей на празднике, и натянул на член.

Дарио увидел звезды перед глазами, как только вставил девушке во всю длину. Годы дробки в тюрьме пронеслись перед глазами, и захотелось послать это время на детородный орган. Дарио набирал темп, активно качая бедрами, сжимая грудь девушки и слушая ее брань.

Она ухватила за ручку шкафа, около которого он ее нагнул, прогнулась в спине. Дарио пришлось снова наклонить ее ниже. Он чувствовал себя механической игрушкой, включенной на всю мощь, и не собирался переставать ее долбить.

Мягкая женская грудь с набухшими сосками, которую он мямл, пытаясь влезть рукой в декольте, влажное тело, трение не о собственную ладонь.